

УДК 94(470)"14/15":322

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ
В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-
МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XV–XVIII вв.**

Р.Ю. Почекаев

*(Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»)*

Статья посвящена анализу новых факторов легитимации власти в позднесредневековых чингизидских государствах, образовавшихся после распада «степных империй» – империи Юань, Государства ильханов в Иране, Чагатайского улуса, Золотой Орды. Падение авторитета потомков Чингиз-хана, чьи права на власть обосновывались их происхождением, привело к появлению других претендентов на трон, которые использовали иные факторы легитимации – в частности, религиозный. Соответственно, и самим Чингизидам, чтобы сохранить власть, пришлось апеллировать к религиозной поддержке, что делали как правители тюркских государств в отношении ислама, так и монгольские правители в отношении буддизма.

Ключевые слова: Монгольская империя, степные империи, Золотая Орда, Чингизиды, факторы легитимации, религия и власть, ислам, буддизм, духовенство.

Изгнание монголов (династии Юань) из Китая, падение государства ильханов в Иране, многолетние смуты в Золотой Орде и Чагатайском улусе привели к тому, что уже к концу XIV – началу XV вв. начался закат преемников Монгольской империи – государств имперского типа, где главным источником права являлась Великая Яса Чингиз-хана.

В связи с этим происхождение от Чингиз-хана перестало являться главным основанием для получения высшей власти в тюрко-монгольских государствах, поскольку оно являлось таковым именно согласно положениям Ясы, которые в новых социально-политических оказались неактуальными. В результате на троны различных государств на территории бывшей Монгольской империи стали претендовать не только Чингизиды, но и представители других родов, прежде считавшихся менее знатными по сравнению с потомками Чингиз-хана. Так, уже во времена золотоордынской смуты 1360–1370-х гг. («великой замятни» русских летописей) несколько областных правителей попытались провозгласить себя самостоятельными государями в своих владениях. Позднее самостоятельными правителями стали ногайские бии – потомки Идегея («Едигея»), сибирские Тайбугиды, в Чагатайском улусе – Тимуриды и ряд менее знатных династий, в Кашгаре – род Дуглат и т.д.

Чингизиды продолжали считаться законными претендентами на власть в силу своего происхождения¹, однако они теперь являлись всего лишь «стар-

¹ В.В. Трепавлов удачно охарактеризовал это явление как «инерцию», см.: Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.

шими среди равных» по сравнению с другими претендентами на власть и трон. Харизме рода Чингиз-хана² были противопоставлены иные основания легитимации власти, главными из которых в условиях все большего распространения ислама в чингизидских государствах стали факторы религиозные. В данной работе мы намерены рассмотреть действие религиозных обоснований власти в тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв.

На наш взгляд, можно выделить три наиболее характерных религиозных фактора легитимации политической власти.

Первый из них – *апеллирование к религиозным нормам и духовным авторитетам при воцарении и при принятии важнейших государственных решений*. Значение этого фактора во многом отразило рост авторитета влиятельных представителей мусульманского духовенства – при одновременном ослаблении ханской власти и центральной администрации в поздней Золотой Орде и вообще на постимперском пространстве бывшей Монгольской державы. Сотрудничество с мусульманским духовенством обеспечивало тюрко-монгольским правителям поддержку населения регионов, имевших давние (еще с домонгольского времени) мусульманские традиции.

Поэтому вполне продуманными и логичными выглядят действия золотоордынского хана Узбека, который инкорпорировал мусульманские институты в административную систему Золотой Орды и активно привлекал видных представителей мусульманского духовенства к судебной, дипломатической и иной государственной деятельности. В условиях распада Монгольской империи и кризиса имперской государственности он мог сохранить власть в государстве с преобладанием мусульманского населения, да еще и окруженном мусульманскими же странами, только путем сотрудничества с духовными лидерами. Соответственно, при дворе Узбека в качестве сановников появилось немало влиятельных представителей духовного сословия – сейиды, шерифы, имамы, кадии и пр.³

Однако в эпоху Узбека власть хана была еще достаточно сильной, чтобы представители мусульманского духовенства лишь одобряли государственные решения монарха, как бы освящая их своим авторитетом, тем самым формируя позитивное отношение верующих к ханской политике. Последующие ханы были вынуждены уже не формально, но и в реальности прибегать к авторитету мусульманского духовенства, поскольку без их поддержки в новых условиях властные решения вряд ли могли быть реализованы. Апелляция к религиозным авторитетам в рассматриваемый период сопровождала все правление тюрко-монгольских государей, начиная с вступления на престол.

Так, например, в церемонии воцарения хана, проводившейся в традиционной форме курултая, в постордынскую эпоху участвовали не только члены ханского рода, знать и военачальники, но и представители мусульманского духовенства. И помимо традиционной степной клятвы вступающий на престол

² Харизма Чингизидов как основание их монопольного права на власть подробно рассмотрена Т.Д. Скрынниковой (Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997).

³ См. подробнее: Исхаков Д.М. Сейиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.

монарх клялся на Коране и получал одобрение главы духовенства ханства – такая практика имела место в Казани, Касимове, Казахском ханстве и т.д.⁴

В дальнейшем ханы и правители постоянно советовались с сейидами и другими авторитетными представителями духовенства, которые нередко своим авторитетом скрепляли решения государей, обеспечивая эффективность их исполнения. Казанские сейиды в последние годы существования ханства нередко являлись первыми советниками ханов, т.е. фактически – главами правительства ханства. Нам неизвестно, насколько была распространена в постордынских государствах практика оформления ханских решений путем издания местными богословами фетв – по крайней мере, в тюрко-монгольских государствах Средней Азии она использовалась весьма широко. Даже такой могущественный и властный правитель, как Мухаммад Шайбани-хан (основатель Бухарского ханства), предпочитал оформлять свои властные решения не путем издания ярлыков, а через принятие фетв его придворными улемами. Думается, что подобная легитимация ханских решений могла применяться и в постордынских ханствах – Казанском, Крымском, Касимовском, учитывая давние мусульманские традиции этих регионов и значительное влияние духовенства на политические дела этих ханств.

В Казанском и Касимовском ханствах роль сейидов была столь велика, что они не только являлись духовными лидерами местного мусульманского населения, но и командовали войсками. Современные исследователи даже предполагают, что касимовский сейид одновременно исполнял и функции бекляри-бека⁵. В Крымском ханстве сейиды исполняли роль главных кади, т.е. верховных судей по законам шариата. В ханских грамотах и посланиях их имена нередко ставились даже перед именами самих султанов из дома Гиреев⁶. В Казахстане ходжи, потомки первых халифов и сподвижников пророка Мухаммада (С.Г.В.), стали единственными не-Чингизидами, приобретшими статус «белой кости», т.е. равными ханам и султанам и имели не меньший авторитет в государственной политике⁷.

Главным духовным авторитетом в Крымском ханстве являлся турецкий султан, правда, лишь после 1584 г., когда хан Ислам-Гирей II, ставленник Стамбула, воспитанный в турецких традициях, ввел в ханстве чтение хутбы на имя османского султана⁸. Весьма любопытно, что даже после того, как Крымское ханство по итогам Кючук-Кайнарджийского мира (1774) получило независимость, ханы продолжали апеллировать к воле султана – как халифа, т.е. духовного главы мусульман. Правда, на самом деле это была религиозно-идеологическая фикция, которой последние крымские ханы вуалировали со-

⁴ См.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 676; Исхаков Д.М. Сейиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 27; Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. С. 198.

⁵ Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 71, 74–75.

⁶ Исхаков Д. М. Сейиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 10, 43–44, 50.

⁷ См.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992. С. 346.

⁸ Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. – Симферополь, 2004. С. 42. См. также: Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 150.

отнесение своей политики со Стамбулом или даже отказывались воевать против Турции на стороне России⁹.

Отметим, что таким авторитетом духовные лидеры пользовались не только в постордынских государствах, но и в других улусах бывшей Монгольской империи. Например, известно, что одним из виднейших советников Амира Тимура был Сейид Береке. А в государствах Средней Азии считалось вполне обычным явлением (и даже почетным для правителей), когда монарх признавал себя мюридом какого-либо почитаемого духовного лидера – так, например, Мухаммад Шайбани-хан считался мюридом шейха ордена йасавийя Джалал ад-Дина Азизана, а могущественный кашгарский правитель XVI в. Абд ар-Рашид-хан – мюридом Ходжи Мухаммада Шарифа¹⁰.

Международные договоры постордынских государств также нередко заключались с учетом догматов ислама и мнения мусульманского духовенства. Так, например, ногайские бии и мурзы XVI–XVII вв. в переговорах с московскими государями нередко апеллировали к своему мусульманскому вероисповеданию (правда, уподобляя, а не противопоставляя его христианству московских князей), а договоры с ними непременно скрепляли клятвой на Коране¹¹. Казанские сейиды в конце XV – середине XVI вв. лично участвовали в переговорах с Москвой¹². Велика была также роль духовенства во внешней политике Крымского ханства: например, хан Мухаммад-Гирей IV в 1659 г. уведомлял царя Алексея Михайловича, что советовался со своими «учеными», которые «сказали, что договор нарушили москвичи»¹³.

Более того, еще со времен золотоордынского хана Узбека и на протяжении истории всех постордынских государств мусульманские богословы неоднократно и сами отправлялись в иностранные государства с дипломатическими миссиями и даже от собственного имени направляли послания иностранным государям. Правда, во многих случаях это было связано не только с их высоким авторитетом в государстве, но и с тем, что они, в отличие от большинства царевичей и представителей племенной аристократии, были грамотными и образованными людьми¹⁴.

Впрочем, время от времени тюрко-монгольские правители вступали в конфликт со своими советниками из числа духовенства – это само по себе говорит о том, что последние обладали значительным влиянием, коль скоро могли позволить себе конфронтацию с монархами. Исход таких противостояний бывал различным. Так, например, казанский хан Сафа-Гирей за время своего правления даже казнил двух сейидов Казани, и одного – его преемник Шах-Али¹⁵. А крымский хан Мурад-Гирей, пытавшийся провести в конце

⁹ Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков... С. 155–156.

¹⁰ Семенов А.А. Портреты эпохи Навои. – Ташкент, 1940. С. 13; Юдин В.П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 23–24.

¹¹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 565.

¹² Исхаков Д.М. Сейиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. С. 36.

¹³ Цит. по: Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009. С. 26.

¹⁴ См.: Исхаков Д.М. Сейиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. С. 26, 75–77; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 571.

¹⁵ Исхаков Д.М. Сейиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. С. 30–33.

1670-х гг. судебную реформу и заменить шариатский суд кади судом по обычному тюрко-монгольскому праву торе, напротив, был вынужден уступить в споре видному представителю духовенства Вани-эфенди и отказаться от своего намерения¹⁶.

Любопытно отметить, что подобный религиозный фактор легитимации своей власти использовали не только правители мусульманских государств. Аналогичным образом ханский титул приобретали и ойратские правители XVII–XVIII вв. – например, хошоутский Гуши-хан, джунгарский Галдан Бошугту-хан или знаменитый калмыцкий хан Аюка: они получали ханскую инвеституру от Далай-лам – верховных иерархов Тибета¹⁷. И, несмотря на то, что они не являлись потомками Чингиз-хана, они признавались в ханском достоинстве даже со стороны потомков Чингиз-хана, поскольку поддержка Далай-ламы в это время значила гораздо больше, чем происхождение от Чингиз-хана. Эти примеры показывают, что в разных государствах на территории бывшей Монгольской империи в одно и то же время происходили одинаковые тенденции, и религиозные факторы легитимации политической власти были актуальны для них, независимо от того, какую религию правители этих государств и их подданные исповедовали. Поэтому апеллирование к религиозным нормам и духовным авторитетам со стороны правителей постордынских государств было весьма актуальным и свидетельствовало об их политической мудрости.

Второй фактор легитимации власти в постордынских государствах – *породнение правителей с авторитетными представителями мусульманского духовенства (в первую очередь, с сейидами и ходжами) путем женитьбы на их дочерях или выдача ханских дочерей замуж за сейидов*. Изначально этот фактор был наиболее актуален для претендентов на власть не-Чингизидского происхождения, поскольку происхождению от Чингиз-хана они старались противопоставить родство с не менее значительными деятелями. Так, например, фактический правитель Мавераннахра Амир Тимур представлен в тимуридской историографии потомком халифа Али, двоюродного брата пророка Мухаммада (весьма причудливо сочетая происхождение от него с происхождением от Алан-Гоа – праматери монголов)¹⁸. Выдающийся золотоордынский политик Идегей (Едигей) в степных преданиях считался потомком почитаемого в Дешт-и Кипчаке святого Ходжа-Ахмада Баба-Туклеса, через которого возводил родословие к другому праведному халифу – Абу Бакру, тестю пророка Мухаммада (С.Г.В.)¹⁹. Подобное происхождение от почитаемых святых давало им право на верховную власть во вновь созданных государствах, ба-

¹⁶ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. М., 2005. С. 248; Почекаев Р. Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009. С. 320–326.

¹⁷ Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Новосибирск, 1991. С. 46–49; Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. С. 107; Miyawaki J. The Legitimacy of Khanship among the Oyrat (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legacy. Leiden; Boston, 1999. P. 329.

¹⁸ См.: Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 568.

¹⁹ DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994. P. 340; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 64.

зировавшихся уже на принципах исламской государственности, а не чингизидских имперских традициях. В качестве исторических параллелей с другими чингизидскими государствами можно также упомянуть «белогорских» и «черногорских» ходжей Кашгарии (считавшихся сейидами, т. е. потомками пророка Мухаммада (С.Г.В)), также успешно боровшихся за трон с потомками Чагатая в этом регионе²⁰.

Столкнувшись с претензиями на трон конкурентов, чьи основания легитимации власти в условиях все возрастающей роли ислама являлись даже более значительными, чем происхождение от Чингиз-хана, Чингизиды и сами поспешили также закрепить свои права на ханский титул аналогичными аргументами. Естественно, претендовать на происхождение от пророка Мухаммада, его соратников или почитаемых святых они не могли – ведь их происхождение от Чингиз-хана было зафиксировано в многочисленных исторических и генеалогических сочинениях, на которые еще в XIII–XIV вв. было потрачено немало сил и средств, в результате генеалогия Чингиз-хана, который, в свою очередь, происходил от Борте-Чино, первопредка всех монголов, никоим образом не могла быть связана с пророком. Поэтому, в отличие от вновь новоявленных потомков первых халифов, Чингизиды старались породниться с представителями авторитетных мусульманских семейств – сейидами и ходжами, обоснованно полагая, что у потомков от этих браков будет больше прав на трон в глазах мусульманских подданных.

Наверное, наиболее ранний в хронологическом отношении пример такого брачного союза упомянут Муин ад-Дином Натанзи и относится к середине XIV в., к правлению золотоордынского хана Азиза (Азиз-Шейха?). Правда, в данном случае речь идет не о женитьбе хана на представительнице рода Сейидов, а наоборот – выдаче ханской дочери замуж за Сейид-Ата, потомка Ахмада Йасави, почитаемого в Дешт-и Кипчаке святого²¹. Тем не менее прецедент семейным связям ханов-Чингизидов и сейидов был положен, и в дальнейшем многие ханы женились на дочерях сейидов и ходжей. Поэтому неудивительно, что их потомки получили право прибавлять к своим именам почетные титулы, унаследованные по материнской линии: Суйунч-Ходжа, Махмуд-Ходжа, Сейид-Ибрахим, Сейид-Бурхан и др. Эта практика имела место и в среднеазиатских государствах вплоть до конца XIX – начала XX вв.: на дочерях сейидов Термеза женились первые бухарские правители из династии Шибанидов и кашгарские Чагатаиды. Последние бухарские эмиры Мангыты и хивинские ханы Кунграты (Инаки) носили почетное прозвище сейидов – также в силу браков с дочерьми потомков пророка: такое родство считалось более легитимным, чем происхождение от Чингиз-хана, которым эти правители похвастаться не могли²².

²⁰ См. подробнее: Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 137 и след.

²¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (История Казахстана в персидских источниках. Т. IV). Алматы, 2006. С. 257–258.

²² См., напр.: Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004. С. 225–226.

Таким образом, Чингизиды, как и их противники, получили возможность претендовать на трон на основании родства с наиболее почитаемыми в мусульманском мире династиями сейидов и ходжей, опираться не только на своих кочевых подданных (которые признавали их как потомков Чингизхана, обладателей родовой харизмы), но и на оседлое население мусульманских регионов. Особенно актуально это было для тех монархов, которые не наследовали власть над определенными областями, а захватывали их у других династий – как, например, Шайбаниды в Бухарском ханстве.

Наконец, еще одним фактором легитимации, который задействовали тюрко-монгольские правители рассматриваемого периода, было *обоснование своих деяний защитой и распространением истинной веры*.

Преимуществом этого фактора являлось то, что под предлогом защиты и распространения веры правители могли предпринимать любые действия – лишь бы они базировались на догматах ислама и получали одобрение со стороны богословов. Наиболее веским основанием для занятия трона в глазах таких правителей являлась воля Аллаха – именно так они трактовали один из стихов Корана: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть, от кого пожелаешь»²³. Именно на божьей воле основывал свое право на власть Амир Тимур, а также и его потомки, в т. ч. Шахрух, который и сам претендовал на титул не только хакана и султана, но и халифа – и требовал признания себя в таковом качестве от правителей Египта, Малой Азии, Индии²⁴. Аналогичным образом объявил себя халифов и имамом основатель Бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан, причем вскоре после его смерти была разработана целая концепция, обосновывавшая его право на этот титул. Ее автор, знаменитый Фазлаллах б. Рузбихан Исфাহани, в сочинении «Сулук алмулук» («Образы поведения царей»), посвященном Убайдаллах-хану, племяннику Шайбани-хана, вывел весьма своеобразную концепцию халифата: халифом может стать любой правитель, даже не обязательно араб и курайшит – более того, халифом может быть даже несколько одновременно! Основания для этого – деяния во славу ислама и непричинение вреда другим халифам, правящим в собственных владениях²⁵. Интересно отметить, что хотя крымские ханы, как отмечалось выше, признавали власть турецких султанов как халифов, некоторые монархи из династии Гиреев, тем не менее, и сами присваивали себе этот титул, в частности, халифами именовались Мухаммад-Гирей III и Ислам-Гирей III²⁶.

Формируя свой образ как защитников и распространителей веры, тюрко-монгольские правители не только оказывали покровительство религиозным деятелям, строили богоугодные заведения и финансировали их деятельность, но и вели священные войны (газават). При этом «священной» могла быть

²³ Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1991. С. 39. Сура 3, стих 25/26. Весьма любопытно, что на этот стих ссылались и мусульманские придворные историографы первых монгольских ханов, стремившиеся обосновать легитимность их правления в мусульманских странах, см., напр.: Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997. P. 562.

²⁴ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. С. 62.

²⁵ Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов... С. 288–290.

²⁶ См.: Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков... С. 154–155.

объявлена война и против других мусульманских государств – лишь бы придворные богословы признали, что враги являются отступниками от ислама и поэтому даже более опасными врагами, чем «неверные». Именно так Амир Тимур обосновывал свои походы против османского султана Баязида и мусульманских султанов Дели, а Мухаммад Шайбани-хан – против казахов или сибирских Шибанидов²⁷. Точно так же борьба хана Кучума с сибирскими династиями Тайбугидов (по сути представляющая собой реставрацию законной династии на троне прежнего Тюменского юрта) представлена как деятельность по распространению ислама в этом языческом регионе – при одобрении и активном содействии мусульманского духовенства из Бухары и Хорезма²⁸. Аналогичным образом крымские ханы и султаны обосновывали свои, по сути, реваншистские великодержавные устремления (попытки восстановить Золотую Орду, захватив власть в ранее занятых Московским царством Казанском и Астраханском ханствах) враждой с врагами веры – равно как и свои боевые действия против персидских кызылбашей. Вассалитет по отношению к османским султанам, являвшимся также и халифами, и выполнение их воли являлись в полной мере достаточным обоснованием для объявления любых боевых действий с врагами турков газаватом²⁹.

Естественно, подобная политика отнюдь не была изобретением потомков Чингиз-хана и их соперников – правителей тюрко-монгольских государств из других династий: ее использовали мусульманские правители, начиная с первых веков исламской эры. Принятие же ее на вооружение тюрко-монгольскими государями лишь свидетельствует об их понимании изменившейся обстановки и практически полной интеграции в *Raх Islamicа*.

В некоторых случаях отстаивание религиозных норм и даваемых в соответствии с ними обетов являлось своего рода уловкой в политических или дипломатических целях. Так, например, ногайский бий Иштерек в 1610-е гг., чтобы не ездить в Астрахань на переговоры с русскими воеводами, говорил, что дал «завет по своей вере», что не будет посещать города. В другом случае он, не желая показывать зависимость от России, отказался снимать головной убор во время чтения грамоты царя Михаила Федоровича, объяснив свой отказ тем, что «обет дал Богу шапки с себя не снимать» (правда, после отказа русских начинать переговоры, пока он не снимет головной убор, Иштерек пошел на эту уступку – причем, опять же, посоветовавшись со своим сейидом)³⁰.

²⁷ Нагель Т. Тимур-завоеватель... С. 489 и след.; Фазлаллах ибн Рузбихан Исфхани. Михман-наме-йи Бухара. М., 1976. С. 105–106; Катанов Н.Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 18–28 (см. также: Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 178).

²⁸ См.: Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. VII. Тобольская Губернская типография. 1897. С. 51–60; [Бустанов А.К.] Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. № 1–2 (13–14). 2009. Электронная версия с сайта ИД «Медина»: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?1591>.

²⁹ См.: Документы по истории Волго-Уральского региона из древлехранилищ Турции: Сб. документов. Казань, 2008. С. 88, 104, 108.

³⁰ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 567, 571.

Защитой же религиозных интересов тюрко-монгольские правители и аристократы могли объяснять даже измену собственным сюзеренам. Так, например, в своем послании царевичу Саадат-Гирею от 1523 г. представители влиятельного крымского клана Ширин сообщали, что его брат – правивший в то время хан Мухаммад-Гирей I – проводит время «в обществе персидских еретиков», и его деяния «сводятся к нарушению законов веры». Как известно, вскоре после составления этого послания Мухаммад-Гирей-хан при попустительстве крымских аристократов был вероломно убит ногайскими мирзами, что могло рассматриваться его недоброжелателями как закономерное возмездие за его богохульное поведение³¹.

Как и при рассмотрении первого фактора, можно отметить, что деяниями во имя веры (и в первую очередь – священной войной) объявлялись действия не только мусульманских правителей тюрко-монгольских государств – к такой же религиозно политической риторике прибегали и современные им монгольские государи-буддисты. Так, например, Гуши-хан, завоеватель Тибета, обосновывал свои действия борьбой с сектой «красношапочников», враждебной ортодоксальному в Тибете движению «желтошапочников» и самому Далай-ламе³². Джунгарский хан Галдан в конце XVII в. вел борьбу с казахами, преследуя цели захвата и подчинения их земель, но под предлогом распространения буддизма, и даже стремился заставить казахов отказаться от ислама и перейти в буддизм³³. Оба эти хана имели большой авторитет в буддийском обществе и почитались в качестве идеальных правителей.

Подобные параллели дают основания считать, что в изменившихся условиях XV–XVIII вв. (в особенности в XVI–XVII вв.) на территории всех государств бывшей Монгольской империи религиозные факторы обоснования власти и властных решений становились все более и более актуальными, вытесняя прежние, «чингизидские» (имперские) основания. Ислам в этом отношении давал больше возможностей, чем буддизм, чем и объясняется более массовое принятие тюрко-монгольскими правителями именно этой религии. Соответственно, приняв ее, они в полной мере сумели использовать ее преимущества в своих политических целях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве случаев первыми к использованию религиозных факторов прибегали политические противники потомков Чингиз-хана, чтобы противопоставить свои права на власть родовой харизме Чингизидов. Однако со временем и сами представители «Золотого рода» стали использовать религиозные факторы легитимации своей власти в не меньшей степени, чем их конкуренты. Таким образом, они получили возможность сохранить власть в изменившихся социально-политических условиях, причем в большинстве государств на пространстве

³¹ Документы по истории Волго-Уральского региона... С. 61; Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 80–81.

³² Владимирцов Б.Я. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи. Статья первая // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 235.

³³ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 51.

бывшей Монгольской империи. Потомкам Чингиз-хана удалось найти оптимальное соотношение факторов легитимации, имевших имперское происхождение и основанных на религиозных догматах, что и позволило им сохранять власть на постимперском пространстве вплоть до XVIII–XIX вв.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому суверенитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 68–85.
2. [Бустанов А.К.] Семейная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. № 1–2 (13–14). 2009. Электронная версия с сайта ИД «Медина»: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?1591>.
3. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 112–225
4. Владимирцов Б.Я. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи. Статья первая // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 221–271.
5. Документы по истории Волго-Уральского региона из древлехранилищ Турции: Сб. документов / Сост. И.А. Мустакимов, пред. В.В. Трепавлова. Казань: Гасыр, 2008.
6. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.
7. Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 173–181.
8. Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997.
9. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 18–28.
10. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. VII. Тобольская Губернская типография. 1897. С. 51–60.
11. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992.
12. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003.
13. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Вектор СП, 1991.
14. Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
15. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991.
16. Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
17. Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тибет., пред., коммент. Р.Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.

18. Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 320–326.
19. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009.
20. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (История Казахстана в персидских источниках. Т. IV). Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
21. Семенов А.А. Портреты эпохи Навои. Ташкент: Государственное изд-во научно-технической и социально-экономической литературы УзССР, 1940.
22. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.
23. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997.
24. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005.
25. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
26. Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.
27. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001.
28. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М., 1976.
29. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. Симферополь: Доля, 2004.
30. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 527–758.
31. Юдин В.П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (историко-историко-ведческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 4–40.
32. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University Park, 1994.
33. Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997.
34. Miyawaki J. The Legitimacy of Khanship among the Oyirad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legacy. Leiden; Boston: Brill, 1999. P. 319–331.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – доцент юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); gorot@mail.ru

THE IMPACT OF RELIGIOUS FACTORS ON THE LEGITIMATION
OF POWER IN THE GOLDEN HORDE AND LATE MEDIEVAL
TURKIC-MONGOL STATES OF THE 15TH–18TH CENTURIES

R. Yu. Pochekaev

(St. Petersburg branch of the National Research University
«Higher School of Economics»)

The article deals with new factor of legitimating of the power in the late medieval Chinggisid states established after the decline and fall of the 'steppe empires' of the Yuan Dynasty, Ilkhanate in Iran, Chagatai Ulus, and Golden Horde. Decrease of Chinggisids' power resulted in appearance of other claimants for the throne (non-Chinggisid dynasties) who used another factors of legitimating, in particular – the religious one. To save their power, the Chinggisids as well had to appeal to religion – Islam in the Turkic states and Buddhism in Mongol ones.

Keywords: Mongol Empire, Steppe empires, Golden Horde, Chinggisids, factors of legitimization, religion and authority, Islam, Buddhism, clergy.

REFERENCES

1. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. *Krymskoe hanstvo v nachale XVI veka: ot mongol'skoj tradicii k osmanskomu szuzerenitetu po neopublikovannomu dokumentu iz Osmanskogo arhiva* [Crimean Khanate at the Beginning of 16th Century: From the Mongol Tradition to the Ottoman Suzerainty according to Unpublished Document from the Ottoman Archive]. *Vostochnaja Evropa Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni glazami francuzskih issledovatelej* [Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Age through the Eyes of French Researchers]. Kazan, 2009, pp. 68–85.
2. Bustanov A.K. *Famil'naja hronika sibirskih sajidov: Shadzhar Risalasi (tekst, perevod, kommentarii)* [The Family Chronicle of Siberian Sayyids: Shajare Risalasi (text, translation, commentary)]. *Islam v sovremennom mire. No. 1–2 (13–14)* [Islam in a Modern World. No. 1–2 (13–14)]. 2009. Electronic version from the website ID «Medina»: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?1591>.
3. Valihanov Ch.Ch. *O sostojanii Altyshara, ili Shesti vostochnyh gorodov kitajskoj provincii Nan-lu (Maloj Buharii), v 1858–1859 godah* [On the Status of Altyshar or Six Eastern Cities of the Chinese Province of Nan-lu (Minor Bukhara) in the Years 1858–1859]. Valihanov Ch.Ch. Selected Works. Moscow, 1986, pp. 112–225.
4. Vladimircov B.Y. *Nadpisi na skalah halhasskogo Coktu-tajdzhii* [Inscriptions on the Rocks of Khalkha's Tsoktu-tayiji]. Article One. Vladimircov B.Y. Raboty po istorii i etnografii mongol'skih narodov [Works on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples]. Moscow, 2002, pp. 221–271.
5. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona iz drevlehranilishh Turcii. Sb. Dokumentov. Sost. I.A. Mustakimov, pred. V.V. Trepavlov* [Documents on the History of the Volga-Ural Region from the Turkey Archives. Collection of the Documents. Comp. by I.A. Mustakimov, pref. by V.V. Trepavlov]. Kazan, 2008.
6. Zaytcev I.V. *Krymskaja istoriograficheskaja tradicija XV–XIX vekov: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th Centuries: The Ways of Development: Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow, 2009.
7. Iskhakov D.M. *K probleme etnicheskikh i politicheskikh svyazej tjurok Zapadnoj Sibiri i Volgo-Ural'skogo regiona v XV v.* [On the Problem of Ethnic and Political Relations between the Turks of Western Siberia and the Volga-Ural Region in the 15th Century].

Tjurkskie narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma [Turkic Peoples: Materials of the 5th Siberian Symposium]. Tobol'sk, Omsk, 2002, pp. 173–181.

8. Iskhakov D.M. *Seyidy v pozdnezolotoordynskih tatarskih gosudarstvah* [Seyyids in the Late Golden Horde Tatar States]. Kazan, 1997.

9. Katanov N.F. *O religioznyh vojnah shejha Bagauddina protiv inorodcev Zapadnoj Sibiri* [On the Religious Wars of Sheikh Bagauddin against Foreigners in Western Siberia]. *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo muzeja* [The Annual of Tobolsk Provincial Museum]. 1904. Is. XIV, pp. 18–28.

10. Katanov N.F. *Predanija tobol'skih tatar o pribytii v 1572 g. muhammedanskih propovednikov v g. Isker* [The Legendaries of the Tobolsk Tatars about the Arrival in 1572 of the Muslim Preachers in Isker]. *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo muzeja* [The Annual of Tobolsk Provincial Museum] Is. VII. Tobol'skaja Gubernskaja tipografija, 1897, pp. 51–60.

11. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *Kazahstan. Letopis' treh tysjacheletij* [Kazakhstan. The Chronicle of Three Millenniums]. Almaty, 1992.

12. Kolesnik V.I. *Poslednee velikoe kochev'e: Perehod kalmykov iz Central'noj Azii v Vostochnuju Evropu i obratno v XVII i XVIII vekah* [The Last Great Camping Ground: Migration of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Back at 17th and 18th Centuries]. Moscow, 2003.

13. *Koran [Quran]*. Rus.ed. by I. Ju. Krachkovsky. Moscow, 1991.

14. Kuegelgen A. von. *Legitimacija sredneaziatskoj dinastii Mangitov v proizvedenijah ih istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The Legitimation of the Central Asian Dynasty of Mangits in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries)]. Almaty, 2004.

15. Moiseev V.A. *Dzhungarskoe hanstvo i kazahi XVII–XVIII vv.* [The Dzhungar Khanate and the Kazakhs in 17th–18th Centuries]. Alma-Ata, 1991.

16. Nagel' T. *Timur-zavoevatel' i islamskij mir pozdnego srednevekov'ja* [The Conqueror Timur and the Late Medieval Islamic World]. Rostov-on-Don, 1997.

17. Pagsam-dzhonsan: *Istorija i hronologija Tibeta* [Pagsam-dzhonsan: The History and Chronology of Tibet]. Rus. ed. R.E. Pubaev. Novosibirsk, 1991.

18. Pochekaev R.Yu. «Sudebnaja reforma» krymskogo hana Murad-Gireja [The “Judicial Reform” of the Crimean Khan Murad Girey]. *Tjurkologicheskij sbornik 2007–2008* [Turkological Collection 2007–2008]. Moscow, 2009, pp. 320–326.

19. Rahimzjanov B.R. *Kasimovskoe hanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on History]. Kazan, 2009.

20. *Sbornik materialov, odnosjashihsjja k istorii Zolotoj Ordj. Izvlechenija iz persidskih sochinenij, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym (Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. Vol. IV)* [The Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Works collected by V.G. Tizengauzen and developed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin (The History of Kazakhstan in the Persian sources. Vol. IV)]. Almaty, 2006.

21. Semenov A.A. *Portrety epohi Navoi* [Portraits of the Navoi Era]. Tashkent, 1940.

22. Sen' D.V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnoshenijah s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ja (vtoraja polovina XVII v. – nachalo XVIII v.)* [The Cossacks of Don and the North-West Caucasus in Their Relations with Muslim States of the Black Sea Region (the second half of 17th – beginning of the 18th century)]. Rostov-na-Donu, 2009.

23. Skrynnikova, T.D. *Harizma i vlast' v epohu Chingis-hana* [The Charisma of Power in the Genghis Khan's Era]. Moscow, 1997.

24. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj porty do nachala XVIII v.* [Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte before the 18th Century]. Moscow, 2005.

25. Sultanov T.I. *Podnjatye na beloju koshme. Potomki Chingiz-hana* [Raised on the White Felt Mat. The Descendants of Genghis Khan]. Almaty, 2001.

26. Trepavlov V.V. *Dzhuchiev ulus v XV–XVI vv.: inercija edinstva* [Ulus of Jochi in the 15th–16th Centuries: Inertia of Unity]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaja i social'no-jekonomicheskaja istorija Zolotoj Ordy (XIII–XV vv.)»*. 17 marta 2009 g. Sb. statej. Is. 1 [The Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–15th Centuries)”]. Kazan, 2000, pp. 11–15.

27. Trepavlov V.V. *Istorija Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2001.

28. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. *Mihman-name-ji Buhara («Zapiski buharskogo gostja»)* [Fazlallah ibn Ruzbikhan Esfahani. *Mihman-name Bukhara-yi* ("Notes of the Bukhara Guest")]. Rus. ed. by R.P. Dzhililovah, A.K. Arends. Moscow, 1976.

29. Halim Giraj Sultan. *Rozovyj kust hanov, ili Istorija Kryma* [The Khans' Rosebush or a History of Crimea]. Simferopol, 2004.

30. Hudjakov M.G. *Očerki po istorii Kazanskogo hanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i civilizacij: Iz opyta obrazovanija i raspada imperij X–XVI vv.* [At the Crossroads of Continents and Civilizations: From the Experience of Formation and Disintegration of the Empires of 10th–16th Centuries]. Moscow, 1996, pp. 527–758.

31. Judin V.P. *Anonimnoe tjurkojazychnoe sočinenie vtoroj poloviny XVI v. iz Vostočnogo Turkestana «Tazkira-ji Hodzha Muhammad Sharif» (istoriko-istočnikovedčeskoe vvedenie, perevod, kommentarij)* [The Anonymous Turkic Work "Tazkira-i Hodzha Muhammad Sharif" of the Second Half of 16th Century from the Eastern Turkestan (historical introduction including the source's study, translation, commentary)]. *Voprosy istorii i kul'tury ujugurov* [Questions of the Uyghur History and Culture]. Alma-Ata, 1987, pp. 4–40.

32. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania, University Park, 1994.

33. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. Manchester, 1997.

34. Miyawaki J. The Legitimacy of Khanship among the Oyirad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle. *The Mongol Empire and Its Legacy*. Leiden; Boston, Brill, 1999, pp. 319–331.

About the author: Roman Yulianovich Pochekaev – associate professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», Kandidat nauk (scientific degree) in jurisprudence (St. Petersburg, Russian Federation); ropot@mail.ru